

А.В. Махлаюк

«МЕЖДУ ЗАИСКИВАНИЕМ И СУРОВОСТЬЮ». О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РИМСКОЙ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

По словам известного военного историка, все различия между греческим и римским военным искусством восходят к различию в дисциплине¹. К этому верному замечанию можно добавить, что в понятии дисциплины концентрированно отразились также существенные различия греческой и римской систем ценностей. В этом отношении весьма показательным, что в греческом языке нет термина, адекватного латинскому понятию *disciplina*, включающему в себя целый спектр значений, которые почти полностью приложимы и к военной сфере: обучение, воспитание, искусство, наука, с одной стороны; строгий порядок, организация, подчинение – с другой². То, что римляне называли одним емким словом (заимствованным в указанных смыслах и современными языками), у греков обозначалось многими лексемами³.

Дисциплина как беспрекословное подчинение власти – будь то власть отца семейства (подчинение которой было сферой *disciplina domestica*), власть магистратов или государства в целом – изначально входила в обобщающее понятие римской доблести, *virtus*⁴. Значение дисциплины как органической черты римского характера, как основы военных успехов и самой государственности Рима отлично сознавалось самими древними. «Главной гордостью и оплотом римской державы» (*praecipuum decus et stabilimentum Romani imperii*), ее «вернейшим стражем» (*certissima custos*) называет воинскую дисциплину Валерий Максим (2. 7 pr.; 6. 1. 11; ср. 2. 8 pr.). Подобное убеждение высказывалось и многими другими авторами (например, Liv. 8. 7. 16; Tac. Hist. 2. 69; Dio Cass 69. 9. 4–5; SHA. Alex. Sev. 53. 5–6). В источниках неизменно подчеркивается бесспорное превосходство военных порядков и дисциплины римлян⁵ и отмечается при этом, что военная сила других народов неизмеримо возрастала, если им удавалось перенять элементы римской дисциплины⁶. Такого рода оценки,

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. Т. 1. СПб., 1994. С. 213.

² См. Шмальфельд. Латинская синонимика / Пер. А. Страхова. М., 1860. С. 87–88; Thesaurus linguae Latinae. V. V. Lipsiae, 1908. P. 1316–1326, s. v. Ср. Fiebiger. *Disciplina militaris* // RE. Bd V (1905). Sp. 1176; Le Bohec Y. *L'armée romaine sous le Haut-Empire*. P., 1989. P. 125. Нам осталась недоступной специально посвященная понятию дисциплины диссертация О. Мауха (*Mauch O. Der lateinische Begriff disciplina*. Diss. Basel, 1941).

³ Например: τὸ εὐκοσμον (порядок), εὐπίθεια (послушание), εὐταξία (порядок), ἄσκησις (упражнение), κόλασμα, κόλασις (наказание), χαλεπότης (суровость), такτικῶν λόγος (военная наука).

⁴ См. Neumann A. *Disciplina militaris* // RE. Supplbd X (1965). Sp. 142–143, со ссылкой на: Calderini A. *Virtù romana*. Milano, 1936 и на Mauch. Op. cit. Ср. также: Čizek E. *Mentalité et institutions politiques romaines*. P., 1990. P. 43. Понятие дисциплины также фигурирует в качестве *disciplina civilis*, определявшей поведение сенаторов (SHA. Hadr. 22. 1), и как принцип, которым должны были руководствоваться императорские чиновники (см., например, ответ императора Коммода колонам Бурунтанского сальтуса – CIL VIII. 10570. На эту надпись в данном контексте обратил внимание Э. Берли (*Birly E. The Religion of the Roman Army* // ANRW. II. 16. 2. В. – N.Y., 1978. P. 1515. Not. 40). Можно указать также на красноречивый пассаж Плиния Младшего в «Панегирике Траяну» (9.5): «Или гражданин мог бы не оказать повиновения принцепсу, легату своему полководцу, сыну отцу? Где бы была дисциплина? Где обычай, переданный нам предками, с готовностью и бесстрашием принимать на себя всякую должность, какую бы ни возложил повелитель?» (пер. В.С. Соколова).

⁵ Polyb. 1.17.11; 6.39.1 sqq.; Cic. Tusc. disp. 1. 1. 2; Ios. B. Iud. 2. 20. 7; 3.10.2; 5. 3. 4; Ael. Arist. Pan. Rom. 87; Veget. 1.1; Herod. 6. 3. 7.

⁶ Caes. B.G. 1. 40. 5; Vell. Pat. 2. 109. 1; 110. 5; Tac. Germ. 30; Sen. De ira. 1. 11. 4. Ср. Neumann. Op. cit. Sp. 176–177.

несомненно, в той или иной степени отражают реальное положение дел, но прежде всего указывают на устойчивый стереотип общественного сознания, свидетельствующий, что понятие дисциплины является одним из компонентов «римского мифа».

Аксиологический аспект римских представлений о дисциплине с особой наглядностью раскрывается через набор контрастных оппозиций, в которых героическая норма и военно-этическим идеалам противопоставляются многочисленные пороки, порождаемые забвением установлений предков. В литературных источниках эти оппозиции имеют характер риторических штампов и общих мест. Отецеская дисциплина (*paterna disciplina, veteris disciplinae decus*) неизменно ассоциируется с такими ключевыми понятиями, как *modestia, constantia, obsequium, exercitatio, labor* и т.д., и не мыслится без эпитета *severa*. Именно *severitas* выступает как важнейшая грань дисциплины предков⁷, как героическая норма, вызывавшая удивление у неримских авторов (например, *Polyb. 6. 37. 6; Ios. V. Iud. 3. 5. 7*) и чувство подчеркнутой гордости у самих римлян.

Непреклонной дисциплинарной суровости противопоставляется иной модус отношения военачальника к подчиненным, характеризующийся терминами *ambitio, largitio, indulgentia* и т.п. При этом если в повествованиях о славном прошлом Рима *severitas* и *ambitio* вполне однозначно разводятся по разным полюсам, без какого бы то ни было промежуточного состояния⁸, то у авторов, писавших о событиях конца Республики и периода Империи, начинает все настойчивее звучать иной мотив: подчеркивается необходимость и практическая действенность баланса между этими двумя полюсами. Так, Саллюстий, характеризуя дисциплинарные меры Метелла во время Югуртинской войны (*V. Iug. 45. 1*), пишет, что этому полководцу удалось найти разумную середину между заискиванием и суровостью (*inter ambitionem saevitiamque moderatum*)⁹. Сочетание строгости и снисходительности вполне целенаправленно и успешно практиковал в отношениях с войском Юлий Цезарь¹⁰. По словам Веллея Патеркула (*2. 81.1*), Октавиан один из мятежей в своих войсках подавил отчасти суровостью, отчасти щедростью, а Тиберий, командуя войсками, «тех, кто не соблюдал дисциплину, прощал, лишь бы это не становилось вредным примером, карал же очень редко и придерживался середины» (*2. 114. 3*; пер. А.И. Немировского). В трактате Онасандра «Об обязанностях военачальника» (середина I в. н.э.) полководцу прямо рекомендуется соблюдать баланс между снисходительностью и устрашением (*Onasand. De off. imp. II. 2*). Тацит в рассказе о мятеже германских легионов передает соображения военачальников следующей выразительной сентенцией: во всем уступить воинам или ни в чем им не уступать – одинаково опасно для государства¹¹. Дион Кассий удостоивает Марка Аврелия похвалы за то, что он умел обходиться с войском без заискивания (*κολακεία*) и без устрашения (*φόβος*). Напротив, отсутствие должного равновесия между двумя подходами приводит в критических ситуациях к чередованию мятежей и казней, вспышек ярости и смирения (*Tac. Hist. 4. 27. 4*).

По-видимому, такого рода мнения не случайны. Превращение гражданского ополчения в постоянную армию, пополняемую преимущественно добровольцами, создало ситуацию, когда любые попытки практиковать старинную строгость дисциплины и

⁷ Дисциплина и суровость иногда становятся даже синонимами. Ср., например: *moriendum est. Debetur hoc sane disciplinae militari, debetur castrorum severitati (Ps.-Quint. Decl. minor. 315; [Caes.] V. Alex. 48. 3; 65. 1)*.

⁸ См., например, *Liv. 45. 37. 12*: «... уступчивость полководцев оборачивалась поражениями, а суровость победами...» (*quae ambitione imperatorum clades acceptae sint, quae severitate imperii victoriae paratae...*). Ср. также *45. 37. 2*. Напротив, попытка полководца совместить в отношениях с войском снисходительность и суровость с явным осуждением квалифицируется Ливием как обычай чужеземных царей (*Liv. 29. 19. 4*).

⁹ Валерий Максим (*2. 7. 10*) и Фронтин (*4. 1. 2*), однако, несколько иначе оценивают шаги Метелла.

¹⁰ *Suet. Iul. 65: militem... tractabatque pari severitate atque indulgentia; cp. ibid. 67; Polyae. 8. 23. 21; Dio Cass. 42. 54. 1.*

¹¹ *Tac. Ann. 1. 36. 2: periculosa severitas, flagitiosa largitio: seu nihil militi sive omnia concedentur, in ancipiti res publica.*

слепое повиновение грозили катастрофическими последствиями для рекрутирования¹², а также для отношений между рядовыми и командирами (см., например, Тас. Анн. 1. 20; 23; 32; 44; Hist. 3. 27). В действительности еще и в раннем Риме дисциплина легионов, как показал В.Ст. Мессер, часто была далека от того рисуемого традицией идеала, который нередко некритически воспринимался учеными нового времени¹³. Не лишена оснований и мысль о том, что суровость наказаний в ранней римской армии позволяет говорить скорее о слабости дисциплины, нежели о ее крепости¹⁴. Если в Ранней республике дисциплина зиждилась прежде всего на религиозно-культурных основах, страхе воинов перед карой богов за нарушение священных клятв и табу, а в конечном счете на неразрывном единстве интересов войска и гражданской общины в целом¹⁵, то в позднереспубликанской и императорской армии потребовались новые подходы к обеспечению дисциплины, сущность которых, на наш взгляд, точнее выражена в приведенных выше оценках античных историков, нежели в суждении современного автора, считающего, что солдат императорской армии нельзя было ни обучать, ни вести в бой иначе как посредством отупляющей муштры и «вдалбливания» заранее регламентированного поведения¹⁶.

Очевидно, что в системе дисциплинарных мер, включавшей разнообразные организационные, правовые, политические и социально-экономические инструменты, далеко не последнее место принадлежало методам морально-психологического воздействия на войско, тем традициям, которые целенаправленно культивировались в императорской армии и имплицитно несли в себе установки и «архетипы» римского воинского этоса¹⁷. Именно здесь, вероятно, следует искать ответ на вопрос о том, какие конкретные факторы обеспечения дисциплины действовали «между заискиванием и суровостью» (или наряду с ними). С этой точки зрения мы и рассмотрим данную оппозицию, обратившись в первую очередь к литературным топосам¹⁸, характеризующим ее различные аспекты. Разумеется, такой анализ не может дать разностороннего и объективного представления о состоянии дисциплины в императорской армии, но способен, как кажется, пролить некоторый свет на такую центральную для античной истории проблему, как соотношение аксиологических установок, порожденных полисным строем, и эмпирической реальности¹⁹.

Обратим сначала внимание на содержательную, позитивно-ценностную сторону представлений о суровости римской дисциплины. Эта суровость еще в древности стала легендарной, прежде всего в связи с практиковавшейся римлянами беспощадностью наказаний. Не касаясь подробно этой достаточно хорошо известной черты римской военной организации, отметим, что дисциплинарная суровость не сводилась только к устрашению и в идеале была рассчитана на то, чтобы вселить мужество в воинов (Тас. Анн. 3. 21. 1–2; 11. 19. 1; 13. 35. 4). Неумолимая суровость в представлении римлян не была тождественна жестокости как таковой – *crudelitas* (Liv. 22. 60. 5; Тас.

¹² Watson G.R. *The Roman Soldier*. New York – Ithaca, 1969. P. 118.

¹³ Messer W.St. *Mutiny in the Roman Army* // СPh. 1920. 15. P. 158–175.

¹⁴ Токмаков В.Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 141, 144 сл.; *он же*. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 44, 49.

¹⁵ Токмаков В.Н. Воинская присяга... С. 139.

¹⁶ Евсеенко Т.П. Военная реформа Октавиана Августа (политико-правовой аспект) Свердловск, 1986 (Деп. в ИНИОН АН СССР № 25704). С. 7.

¹⁷ Ср. Barzanó A. «*Libenter cupit commori qui sine dubio scit se esse moriturum*»: la morte per la patria in Roma repubblicana // «*Dulce et decorum est pro patria mori*». La morte in combattimento nell' antichità / A cura di M. Sordi. Milano, 1990. P. 169–170.

¹⁸ На значение традиционной идеологии и литературных топосов в характеристике римского солдата в античных источниках специально обратил внимание Ж.-М. Каррие (*Carrié J.-M. Il soldato // L'uomo romano / A cura di A. Giardina*. Bari, 1989. P. 102 sgg.). Пользуясь случаем, хочу выразить признательность Е.В. Ляпустиной за любезно предоставленную мне возможность познакомиться с данной работой.

¹⁹ Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 174, 390.

App. 1. 44. 5). Под последней, по-видимому, понималось неоправданное превышение дисциплинарной власти, не связанное с давлением необходимости (App. V. C. 3. 53) либо граничившее с издевательством (Tac. Ann. 1. 23). Сама установка на суровость, хотя и делала страх наказания одним из решающих факторов дисциплины²⁰, не была самоцелью, но преследовала прежде всего цель добиться беспрекосного повиновения, которое выступает как главная заповедь римской дисциплины, стоящая выше любых обстоятельств и соображений, побед и поражений (см. Val. Max. 2. 7. 15), в том числе и отцовской привязанности к детям, как явствует из легендарного «Манлиева правежа»²¹. Воля полководца в римской армии была столь непререкаемой, что самовольное действие, даже успешное, считалось таким же нарушением дисциплины, как и невыполнение приказа. По словам Саллюстия (Cat. 9. 4), «тех, кто вопреки приказу вступил в бой с врагами и, несмотря на приказ об отходе, задержался на поле битвы, карали чаще, чем тех, кто осмелился покинуть знамена и... вынужден был отступить»²². Такое отношение к приказу трактовалось как основа основ военной организации и самого государства²³ и осуществлялось на деле не только в древние времена, но и в период Империи, а также было закреплено военным правом, согласно которому смертью каралось и невыполнение приказа, и действие, запрещенное полководцем, даже если оно было успешным (D. 49. 16. 3. 15). В этом наглядно проявляется столь характерное для римлян сочетание аксиологических и правовых моментов.

Не менее характерно для римской концепции дисциплины тесное переплетение ценностных и сакральных представлений. Военская дисциплина изначально рассматривалась как особый модус поведения, устанавливаемый и санкционируемый богами. Видимо, не случайно у Тацита в изложении речи Блеза к мятежным солдатам употреблено выражение *fas disciplinae* (Ann. 1. 19. 3). Здесь, как и в выражении Ливия *sacra militia* (8. 34. 10), по мнению Ж. Вандран-Буайе, отражено древнее представление об армии как особой сакрализованной группе, резко отделенной от других структур общины и подчиненной специфическим нормам, отличным от *ius. Fas disciplinae* – это все то, что предписывается богами при посредстве военного предводителя, это и сам военный порядок, и дисциплина в современном смысле слова²⁴. Сакральное начало в понимании военной миссии было исходным пунктом для последующей разработки военно-правовых институтов и накладывало существенный отпечаток на трактовку воинского долга, в немалой степени обуславливая суровость наказаний за отступление от его предписаний. Повиновение полководцу как важнейшее требование дисциплины закреплялось воинской присягой, получая соответствующую сакральную санкцию²⁵. На связь дисциплины с сакральными представлениями указывают и некоторые пассажи Ливия, где *disciplina militaris* упоминается в одном ряду с волей богов и обычаями предков (8. 32. 7; 28. 27. 12). О том, что такого рода представления не были только риторической абстракцией или анахронизмом, может, наверное, свидетельствовать известный эпизод мятежа легионов в Паннонии, когда затмение луны солдаты восприняли как знак гнева богов на их мятежное поведение, что и стало фактором перелома в их настроениях (Tac. Ann. 1. 28; 30; Dio Cass. 57. 4. 4).

²⁰ *Marni y Peña M. Instituciones militares romanas. Madrid, 1956. P. 232.*

²¹ Возможно, именно его имел в виду юрист Юлий Павел, отмечая, что у древних римлян воинская дисциплина стояла выше любви к детям (D. 49. 15. 19. 7). О «Манлиевом правеже» см., в частности: *Val. Max. 2. 7. 6; 9. 3. 4; Liv. 8. 7; Flor. 1. 14; Cic. De off. 3. 112; De fin. 1. 23; Sall. Cat. 52; Dionys. 8. 79; Front. Strat. 4. 1. 40; Aul. Gell. 9. 13; Oros. 3. 9.*

²² Ср. действие Домиция Корбулона, который, приняв командование в Германии, восстановил старинный порядок (*vetemur ad morem reduxit*), запретив покидать строй и вступать в бой без приказа (Tac. Ann. 11. 18).

²³ *Liv. 8. 7. 16; 8. 34. 7–8; 44. 34. 2 sqq.; Tac. Hist. 1. 83. 3; 84. 2; Flor. 1. 14. 2.*

²⁴ *Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 55 suiv. Ср. Токмаков. Военская присяга... С. 128–132; он же. Сакральные аспекты... С. 48 сл.*

²⁵ *Brand C.E. Roman Military Law. Austin – London, 1968. P. 96–97; Токмаков. Сакральные аспекты... С. 57–58.*

В данном контексте уместно обратить внимание также на факт появления при Адриане культа Воинской Дисциплины как обожествленной абстракции. Этот культ засвидетельствован нумизматическими и эпиграфическими памятниками, которые датируются временем вплоть до правления Галлиена²⁶. В лагерях Дисциплины воздвигались алтари, ей делались посвящения от лица воинских частей. Хотя данный культ, скорее всего, был введен «сверху», сам факт его бытования примечателен с точки зрения тех ценностей, которые пропагандировались в армии.

Следует сказать, далее, о том, что строгость римских военных порядков делала принципиально нежелательным явлением присутствие в военном лагере женщин²⁷ и тем более их вмешательство в военные дела (Tac. Ann. 1. 69. 4; 2. 55. 6; 3. 33. 2; Dio Cass. 59. 18. 4). Примечательно, что Исидор Севильский само слово *castra* связывает с воздержанием от чувственных желаний и запретом женщинам входить в лагерь²⁸. Светоний, отмечая стремление Августа поддерживать в войсках строгую дисциплину, в первую очередь указывает на то, что он даже своим легатам позволял свидания с женами только зимой, да и то очень неохотно (Aug. 24. 1). На основе свидетельства Тацита (Ann. 3. 33. 2) можно заключить, что для высших офицеров некогда существовал специальный запрет брать жен к месту службы. Не могли они и сочетаться законным браком с женщинами из той провинции, где несли службу: такой союз не признавался в качестве *matrimonium*²⁹. Вероятно, в русле той же традиции и в силу консерватизма военного мышления Август и его преемники до Септимия Севера сохраняли официальный запрет на браки солдат (см. Dio Cass. 60. 24. 3)³⁰. Исконное убеждение в несовместимости военной службы с пребыванием в войске женщин было достаточно живучим, несмотря на то, что существование не признанных законом солдатских семей – реальный факт уже для эпохи Юлиев-Клавдиев³¹, а супруги некоторых военных начальников открыто глумились над всеми обычаями и приличиями³².

Таким образом, вступление на военную службу действительно означало разрыв с частной жизнью и начало нового существования (Artem. Oneirocr. 2. 31): римлянин из сферы действия *ius civile* переходил в сферу, где действовали суровые нормы воинской дисциплины (в том числе *fas disciplinae*), и, попадая под власть военачальников, лишался ряда гражданских прав или ограничивался в их использовании³³. Вместе с этими лишениями воин обрекал себя многочисленным невзгодам и опасностям в период войны, а также тяготам, связанным с постоянными трудами, – в мирное время.

²⁶ О культе Дисциплины подробнее см. *Domaszewski A. von. Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 44–45; Richmond I.A. Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples and Religious Cults // Archaeologia Aeliana. 4th ser. 1943. 21. P. 166 ff.; Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Diss. Konstanz, 1973. S. 136–139; Birley. Op. cit. P. 1513–1515; Ziolkowski M. Epigraphical and Numismatic Evidence of Disciplina // Acta antiqua. 1990–1992. 33. Fasc. 1–4. P. 347–350.*

²⁷ Cp. *Serv. Ad Aen. 8. 688: ... mulier castra sequebatur, quod ingenti turpitudine apud maiores fuit.*

²⁸ *Isid. Orig. 9. 3. 44: Dicta autem castra quasi casta, eo quod illic castraretur libido. Nam nunquam iis intererat mulier.*

²⁹ *D. 23. 2. 63: Praefectus cohortis vel equitum aut tribunus contra interdictum eius provinciae duxit uxorem, in qua officium gerebat, matrimonium non erit, quae species pupillae comparanda est, cum ratio potentatus nuptias prohibuerit.* Стоит однако отметить, что этот запрет не был специфически военным, он распространялся на всех римских должностных лиц, наделенных властью в провинции. Пользуясь случаем выразить признательность А.Л. Смышляеву, обратившему мое внимание на это обстоятельство.

³⁰ *Vendrand-Voyer. Op. cit. P. 100–119; Campbell B. The Marriage of Soldier under the Empire // JRS. 1978. 68. P. 165. О брачном праве солдат подробнее см. Jung J.H. Das Eherecht der römischen Soldaten // ANRW. II. 14. B.–N.Y., 1982. S. 302–346.*

³¹ *Колобов А.В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях-Клавдиях // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 3. С. 54–64.*

³² Так, жена Кальвизия Сабина, наместника Паннонии при Калигуле, дошла до того, что занималась любовью прямо на главной площади лагеря (Tac. Hist. 1. 48. 2; *Plut. Galba, 12; ср. также Dio Cass. 59 18. 4).*

³³ См. *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Lpz, 1899. S. 30; Brand. Op. cit. P. 43; Vendrand-Voyer. Op. cit. P. 55 suiv.; 95; 138; Watson. Op. cit. P. 120 f.*

К таким трудам в первую очередь относились постоянные военные упражнения и учения (*exercitationes*)³⁴, которыми молодые воины должны были заниматься дважды в день, а ветераны – один раз (*Veget. 1. 23*; ср. *Sil. Ital. Pun. 8. 548–560*). Военская дисциплина, при всех прочих своих характеристиках, всегда понималась римлянами как особая наука, основанная на твердых правилах³⁵, в частности правилах отбора и обучения новобранцев (*Veget. 1. 1*; 13)³⁶. Значение тщательной выучки войск, естественно, возросло с созданием регулярной армии, боеспособность которой основывалась прежде всего на профессиональном отношении к военному делу во всех его аспектах³⁷. В источниках неизменным рефреном – в качестве ли похвальной констатации, или в виде назидательной рекомендации – звучит мысль о необходимости и благодетельности постоянного упражнения воинов как для укрепления дисциплины и духа армии, так и для процветания государства в целом³⁸. Стоит отметить, что строевой плац (*campus*) имел своего Геня (*ILAlg. 1. 3596*) и, видимо, находился под покровительством особых божеств – *dii campestris* (например, *CIL VIII. 2635, 10760*; ср. *CIL III. 5910 = ILS 4830*; *VI. 31149 = ILS 4833*; *CIL VII. 1114 = ILS 4831e*)³⁹. Так, препозит и инструктор по обучению солдат (*campidoctor*) из VII легиона Близнаца в 182 г. сделал посвящение *Marti Campestri* (*CIL II. 4083 = ILS 2416*; ср. *CIL II. 1515*), а *campidoctor* преторианской когорты исполнил обет Священной Немезиде *Campestris* (*CIL VI. 533 = ILS 2088*).

Постоянные учения и упражнения с оружием, как известно, считались отличительной чертой также спартанского войска и самого образа жизни лакедемонян. Однако, в представлении римлян, военная служба была связана не только с напряженным повседневным трудом на учебном плацу, но и с непрерывной изнурительной работой как таковой – и в походе, и в мирное время, – с тем, что Тацит в одном месте (*Ann. 1. 35. 1*) называет *duritia operum* (ср. *Hist. 2. 80. 3: Germanica hiberna... laboribus dura*). Римский воин едва ли не в первую очередь труженик, *mulus Marianus* (*Fest. 134 L*; *Paul. Fest. 22 L*; *Front. Strat. 4. 1. 7*; *Plut. Marius, 13*). Пожалуй, только в римской среде мог появиться афоризм, приписываемый Домицию Корбулону: «врага надлежит побеждать лопатой» (*Front. Strat. 4. 7. 2*). Цицерон, противопоставляя римскую военную службу спартанской, подчеркивал, что у римлян от воинов требуется прежде всего труд (*Tusc. disp. 2.16.37*). В известном экскурсе, посвященном сопоставлению македонского и римского войска, Ливий высказывает убеждение, что с римским легионером никто не может сравниться в усердии (*in opere*) и перенесении трудов (*tolerandum laborem*) (*9. 19. 9*). Сама воинская доблесть, с точки зрения римлян, неотделима от труда. По словам Камилла у Ливия (*5. 27. 8*), источник римских побед – доблесть, труд, оружие (*virtus, opus, arma*). Цицерон утверждал (*De invent. 1. 163*), что храбрость (*fortitudo*) состоит не только в обдуманном расчете и прочих качествах, но и в перенесении трудов (*laborum repessio*). В речи Мария у Саллюстия (*B. Iug. 85. 31–35*), в контексте рассуждений о доблести, названы такие истинно воинские качества, как умение поражать врага, нести караульную службу, одинаково переносить холод и зной, голод и труды. Цезарь в одном месте (*B. G. 5. 8. 4*) говорит о доблести солдат, отличившихся усердной греблей при переправе в Британию, а в другом (*B. G. 6. 43. 5*) – отмечает, что солдаты, дабы заслужить его благодарность, брали на себя бесконечные труды и готовы были своим усердием одолеть саму природу.

³⁴ Этимологическая связь понятий *exercitatio* (*exercitium*) и *exercitus* специально подчеркивается римскими авторами (*Cic. Tusc. disp. 2. 16.37; Veget. 2.1*).

³⁵ *Liv. 9.17.10: ...disciplina militaris iam inde ab initiis urbis tradita per manus in artis perpetuis praeceptis ordinatae modum venerat.*

³⁶ Подробнее об этом см. *Neumann A. Römische Rekrutenausbildung im Lichte der Disziplin // CPh. 1948. 43. S. 157–173.*

³⁷ *Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. 74. S. 206 f.*

³⁸ См. *Onasand. IX. 2; X; Ios. B. Iud. 2. 20. 7; 3. 5. 1; 3. 10. 2; Tac. Ann. 12.12.1; Hist. 4. 26. 3; Ael. Arist. Pan. Rom. 71; 73; 87; Dio Cass. 52. 27. 2; Veget. 1. 13; 2. 24; 3. 4.*

³⁹ *Le Bohec. Op. cit. P. 124–125.*

Непрерывный труд был главным лекарством против разлагающей дисциплины праздности, лучшим средством закалки воинов (Liv. 39. 2. 6; Tac. Ann. 1. 35. 1; Suet. Galba, 6. 3; Sen. Epist. 18. 6; Ios. B. Iud. 3. 5. 1; Front. Strat. 4. 1. 15; Tert. Ad Mart. 3; Veget. 2. 23). Соответственно, наибольшей похвалы удостоивался тот полководец, чье войско приведено к послушанию трудом и привычкой к упражнению, а не страхом наказания (Veget. 3. 4)⁴⁰. Это средство приобрело особое значение в период Империи, когда войска часто подолгу не участвовали в боевых действиях, так что командованию приходилось изыскивать для солдат разнообразные строительные и хозяйственные занятия (Tac. Ann. 1. 20. 1; 11. 20. 3)⁴¹. При изнурительности такого рода трудов даже боевые действия могли восприниматься воинами как облегчение (Front. Strat. 1. 11. 20). Поэтому, вполне понятно, почему у римлян суровость военной жизни нередко метонимически выражается словами labor (труд), sudor (пот), sarcina (переносимое воином снаряжение)⁴².

В данном контексте уместно вспомнить, что атлетика как таковая не входила у римлян в сферу военной подготовки, а атлетическая агонистика традиционно вызывала отрицательное отношение, так как считалось, что она мешает должным образом совершенствоваться в военном деле (см., например, Tac. Ann. 14. 20. 4; Lucan. Phars. 7. 270 sqq.; Plut. Quaest. Rom. 40). Иное дело – гладиаторские бои, связанные с такими элементами «римского мифа», как престижность и значимость воинской выучки, воля к победе, презрение к боли и смерти⁴³.

По неписаному правилу, как в военных упражнениях, так и в прочих трудах и тяготах, выпадавших на долю воинов, образцом и примером должен был служить сам военачальник, способный своим искусством и рвением возбудить «пыл подражания» (imitationis ardor – Plin. Pan. 13. 4; ср. Veget. 2. 9; 12)⁴⁴. С неизменным одобрением, а часто и с восхищением античные писатели указывают на приверженность римских военачальников и принцев такому стилю общения с войском, когда они объединялись с подчиненными «скромностью, трудом, бдительностью» (modestia, labore, vigilantia), когда «с пылью и потом солдат смешивался пот полководца» (Plin. Pan. 10. 3; 13. 1). Такое поведение военачальника, как никакое другое средство, могло поднять дух воинов, подчинить их суровым требованиям дисциплины, создать особые узы между командующим и солдатской массой⁴⁵. «Лучшее облегчение тягот для человека, – писал Плутарх, – видеть, как другой переносит те же тяготы добровольно: тогда принуждение словно исчезает. А для римских солдат самое приятное – видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Воины восхищаются больше всего не теми вождами, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности, и любят не тех, кто позволяет им бездельничать, а тех, кто по своей воле трудится вместе с ними» (Plut. Marius, 7; пер. С.А. Ошерова; ср. Onasand. XLII. 2)⁴⁶. Именно

⁴⁰ Хрестоматийным образцом в этом отношении были, к примеру, действия Сципиона Эмилиана под Нуманцией (Liv. Per. 57; Val Max. 2. 7. 1; Front. Strat. 4. 1. 1; App. Iber. 85; Flor. 2. 18. 9; Plut. Apophth. reg. et duc. Scip. min. 16; Vir. ill. 58. 6; Veget. 3. 10).

⁴¹ Le Bohec. Op. cit. P. 234–235.

⁴² Carrié. Op. cit. P. 118 sgg.

⁴³ Ляпустина Е.В. Гладиаторские бои в Риме: жертвоприношение или состязание? // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 160 сл.

⁴⁴ Плиний противопоставляет эту традицию распространившейся моде иметь в качестве наставника в воинском мастерстве какого-нибудь грека (Graeculus magister). Валерий Максим (2. 3. 2), напротив, с одобрением отзываясь об инициативе консула Рутилия Руфа (105 г. до н.э.), пригласившего в легионы учителей фехтования из гладиаторской школы, благодаря чему он «доблесть присовокупил к искусству, а искусство – к доблести».

⁴⁵ Ср. Carrié. Op. cit. P. 119; Dahlheim. Op. cit. S. 212.

⁴⁶ Свидетельства о подобном поведении римских военачальников очень многочисленны, что, очевидно, исключает литературную фикцию. См., например: Liv. 7. 33. 1–2 (Корв); 34. 18. 5 (Катон Старший); 44. 41. 1 (Эмилий Павел); App. Lib. 116 (Сципион Эмилиан); Plut. Lucul. 28 (Лукулл); Sall. B. Iug. 100. 4 (Марий); Lucan. Phars. 9. 587 sqq.; 881 sqq.; Plut. Cato. Min. 9 (Катон Младший); App. B.C. 2. 49 (Помпей); Plut. Caes. 17. (Цезарь). Tac. Ann. 13. 35; 14. 24 (Корбулон); Hist. 2. 5 (Веспасиан); 5.1 (Тит); Plin. Pan. 13. 1; 19.

такой образ командования Саллюстий называет полезным и гражданственным⁴⁷. Нет оснований сомневаться в действенности подобной модели поведения полководца: судя по всему, солдатская масса была достаточно восприимчива к такого рода примерам, которые наглядно подчеркивали «императивность» героической суровости воинской дисциплины. Распущенность и изнеженность военачальника, напротив, воспринимались воинами сугубо неодобительно (см., например, Tac. Hist. 1. 9; 60; Herod. 5. 2. 5; 6. 7. 10).

В приведенных свидетельствах суровость римской дисциплины предстает, таким образом, как нормативный идеал, завещанный предками, и воплощение его относится по преимуществу к героическому прошлому Рима. Вместе с тем, консерватизм римских военных традиций, объективные условия и потребности военной деятельности делали установку на суровость дисциплины неустранимым фактором жизни армии. Поэтому и в императорском Риме среди римских военачальников находились такие ревнители старинной строгости (*gravissimi comparandique antiqui exempli auctores*, если воспользоваться выражением Веллея Патеркула в 2. 78. 3), как Луций Аппроний, проконсул Африки в правление Тиберия, применивший во время войны с Такфаринатом, казалось бы, давно забытую децимацию (Tac. Ann. 3. 21. 1), Гальба, прославившийся своей непреклонной строгостью к воинам (Suet. Galba. 6. 2–3; Tac. Hist. 1. 5. 2), Доминиций Корбулон (Tac. Ann. 11. 18; 13. 35) и другие. Безусловно, подобные примеры потому обращали на себя внимание современников и историков, что были сравнительно редки⁴⁸; верно и то, что писатели императорского времени, имевшие все основания опасаться солдатского своеволия, зачастую склонны были успокаивать себя, представляя жизнь в армии более спартанской, чем та была на деле⁴⁹. Однако «имидж» непреклонно строгого полководца был настолько привлекателен и значим, что показать себя суровым военачальником стремились даже столь далекие от древних нравов императоры, как Калигула (Suet. Cal. 44. 1) и Отон (Tac. Hist. 2. 11. 4). О сознательно-демонстративном характере такого рода ориентации на *mos maiorum* может свидетельствовать замечание Тацита о том, что Гай Кассий Лонгин, будучи в 45 г. наместником Сирии, восстанавливал во вверенных ему войсках старинные порядки (*revocare ad prisicum morem*), тщательно упражняя легионы, поскольку этого, по его мнению, требовало достоинство его предков и рода (Tac. Ann. 12. 12. 1).

Поддержание должной дисциплины было не только прямой обязанностью командующего (D. 49. 16. 12), как, впрочем, и командиров любого ранга⁵⁰, но и его моральным долгом, важным проявлением его *virtus*. В этом плане очень показательно то внимание, какое на эту сторону деятельности императора обращают наши источники, почти всегда отмечая среди заслуг и достоинств того или иного правителя его успехи в обеспечении дисциплины войск. Так, Светоний (Aug. 24. 1) сообщает, что Август поддерживал дисциплину с величайшей суровостью (*severissime*); так же действовал и

3; *Dio Cass.* 68. 23. 1 (Траян); *Dio Cass.* 69. 9. 4; SHA. Nadr. 10. 2–4 (Адриан); *Herod.* 2. 11. 2; 3. 6. 10 (Септимий Север); *Dio Cass.* 77. 13. 1–2; *Herod.* 4. 7. 4; 4. 13. 7 (Каракалла); *Herod.* 6. 8. 2; 7. 1. 6; *Amm. Marc.* 17. 1. 2; 20. 8. 6 (Юлиан) etc.

⁴⁷ *Sall.* В. Iug. 85. 35: *hoc est utile, hoc civile imperium*. Ибо, поясняет автор, «самому купаться в роскоши, а войско подвергать мучениям, значит быть властелином, а не полководцем».

⁴⁸ *Campbell J.B.* The Emperor and the Roman Army. 31 BC – AD 235. Oxf., 1984. P. 306; cf. *Watson*. Op. cit. P. 119.

⁴⁹ *Carrié*. Op. cit. P. 121.

⁵⁰ От принципалов (D. 49. 16. 13. 4) и центурионов (*Veget.* 2. 8) до военных трибунов и префектов (D. 49. 16. 12. 2; *Veget.* 2. 9–10). Не вдаваясь в подробности, следует подчеркнуть, что именно эти офицеры, центурионы в первую очередь, были непосредственными хранителями традиций суровой дисциплины. Нередко они достигали своих чинов, начав службу рядовыми и на себе испытав все ее тяготы, и поэтому, подобно префекту лагеря Авфидиену Руфу, насаждали старинную суровую дисциплину (*antiquam duramque militiam* – Tac. Ann. 1. 20. 2). О роли центурионов в сохранении армейских традиций см. *Dobson B.* The Significance of Centurions and «Primpilares» in the Roman Army and Administration // ANRW. II. 1. B. – N.Y., 1974. P. 432 f.; *idem.* Die Primpilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges. Köln – Bonn, 1978 (Bonner Jahrbücher. Bht 37). S. 128 ff.

его преемник (Suet. Tib. 19). Отмечает Светоний и строгость Веспасиана (Vesp. 8. 2–3; ср. Tac. Hist. 2. 82. 3). Исправителем (corrector emendatorque) пришедшей в упадок дисциплины называет Траяна Плиний (Pan. 6. 2; ср. 18. 1; Epist. 10. 29. 1; ср. Dio Cass. 68. 7. 5). Аналогичной характеристики удостоивается Адриан (Dio Cass. 69. 5. 2 и 9. 1 sqq.; SHA. Hadr. 10. 3; Eutrop. 8. 7. 2). Септимий Север в одной надписи назван vindex et conditor Romanae disciplinae (CIL VIII. 17870 = ILS 446). Александр Север превозносится за свою исключительную строгость к воинам (SHA. Alex. Sev. 12. 4–5; 53. 1 sqq.; 54. 5; ср. Eutrop. 8. 23; Aur. Vict. Caes. 24. 3–4). Клавдий II, по словам панегириста, «впервые вновь укрепил совершенно подорванную дисциплину» (Pan. lat. VI. 201). Восстановителем воинской дисциплины (gerator) именуется в надписи император Деций (CIL III. 12351 = ILS 8922). О беспощадной суровости Аврелиана в его биографии сообщаются полуполюгендарные сведения (SHA. Aurel. 6. 1–2; 7. 3–4); Евтропий же называет его disciplinae militaris corrector (9. 14).

Отдавая себе отчет в литературности многих из приведенных свидетельств, можно констатировать, что представления о воинской дисциплине, неотделимой от суровости вождя, образуют аксиологически значимую модель, на которую так или иначе ориентировались и сами императоры, и общественное мнение, оценивавшее их достоинства. В то же время эти свидетельства определенно указывают на периодическое обострение (особенно в кризисном III веке) проблем, связанных с дисциплиной войск. При этом в описании античными авторами данных проблем также обнаруживается обильное использование риторических клише и общих мест, концептуальной основой которых, в конечном счете, является теория «упадка нравов». Комплекс понятий, характеризующих отступление от суровой дисциплины предков, выражает низменную и общественно опасную альтернативу высокому героизму рассмотренных выше норм и традиций.

По общему убеждению римских писателей, пагубнейшей вещью для дисциплины воинов была праздность, бездеятельность (otium, res disciplinae inimicissima – Vell. Pat. 2. 78. 2), которая разлагающе действовала на физическое и моральное состояние войск⁵¹. В полном соответствии с концепцией «упадка нравов», считалось, что праздность порождала в воинах всевозможные пороки, несовместимые с истинной доблестью: любовь к роскоши и наслаждениям, дерзость, своеволие, необузданность, которые часто становились питательной средой для мятежей и, с другой стороны, с особой силой проявлялись во время гражданских войн, когда ослаблялась неумолимая строгость дисциплины и воинам бывало позволено больше, чем полководцам⁵². По словам Тацита (Hist. 3. 11. 2), на смену состязанию в доблести и послушании пришло состязание в дерзости и своеволии (proscacitatis et petulantiae certamen). Однако подобные пороки не только устаивались морального осуждения, противопоставляясь подлинной храбрости и дисциплине (Caes. B. G. 7. 52; Plin. Pan. 18. 1), но и трактовались военным правом как воинские преступления, в одном ряду с покушением на жизнь командира⁵³.

Античные авторы не жалеют красок, изображая непотребную роскошь и вольготную жизнь воинов, забывших о своем долге. В числе атрибутов этой роскоши фигурируют, к примеру, особые помещения для пиров, крытые галереи и сады, мягкие лежа и чаши, весившие больше мечей (SHA. Hadr. 10. 4; Amm. Marc. 22. 4. 6; Plut.

⁵¹ См. Polyb. 1. 66. 10; 11. 25. 6; Liv. 28. 24. 6; Tac. Agr. 16; Hist. 1. 46; 2. 93; 2. 99; Aul. Gell. 19. 10. Традиционная римская система ценностей, кстати, вообще исключала высокую оценку otium'a (Межеруцкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности. М., 1988. С. 42–43).

⁵² См. App. Lib. 115; 117; B. C. 5. 17; Sall. B. Jug. 44. 5; Cat. 11. 5 sqq.; Val. Max. 9. 7. 3; Tac. Ann. 1. 16; 2. 55; Hist. 1. 51; 2. 29; 2. 68–69; 3. 7; Plut. Lucul. 30; Galba, 1; Herod. 2. 5. 1. Подробнее см. Jal P. Le «soldat des guerres civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // Pallas. 1962 (1964). XI. 2. P. 7–27, особенно p. 15 suiv.

⁵³ D. 49.16. 6 pr.: «Воинским преступлением является все то, что совершается вопреки требованиям общей дисциплины, а именно проявление медлительности (segnitiae crimen), неподчинения (contumaciae), бездеятельности (desidiae)».

Апрот. reg. et duc. Scipio min. 16). Выразительнейшую картину подобной жизни в военном лагере дает вымышленное письмо Септимия Севера наместнику Галлий Рагонию Цельсу: «...воины твои бродяжничают, трибуны среди дня моются, вместо столовых у них – трактиры, вместо спален – блудилища; пляшут, пьют и мерой для пиров называют пить без меры. Возможно было бы такое, если бы хоть немного бился пульс отеческой дисциплины?» (SHA. Pesc. Nig. 3. 10–11; пер. С.П. Кондратьева)⁵⁴. Пальма первенства в этом отношении принадлежала воинам, служившим в Сирии, которые на протяжении столетий считались «эталоном» распущенной жизни. Порочные основы ее заложил еще Гней Пизон во время своего наместничества в 17 г. н.э. (Тас. Ann. 2. 55). Спустя четыре десятилетия Корбулон боролся с непригодностью здешних солдат (*adversus ignaviam militum*), которые настолько изленились от долгого мира, что не были редкостью ветераны, ни разу не побывавшие в боевом охранении или ночном карауле, смотревшие на лагерный вал и ров как на нечто диковинное, не надевавшие ни шлемов, ни панцирей, щеголеватые и падкие до наживы (Тас. Ann. 13. 35). Больше ста лет спустя подобным же образом характеризовал сирийских легионеров Фронтон. По его словам, здешние воины – воистину наипорочнейшие: мятежные и строптивые, с полудня до полудня пьяные, они не привыкли носить оружие и чаще бывают в соседней таверне, чем под знаменами (Fronto. Princ. hist. 12; Ad Verum. 2. 1. 22). Именно против сирийских легионов, «утопавших в роскоши и усвоивших нравы Дафны», применял жесточайшие дисциплинарные меры Авидий Кассий (SHA. Avid. Cass. 5. 2 sqq.). Однако через несколько десятилетий Александр Север застал их все в том же состоянии (SHA. Alex. Sev. 53. 2; 7). Трудно сказать, в какой мере все эти характеристики являются расхожим литературным штампом, а в какой – отражают реальное положение дел. Так или иначе, для римских писателей бесспорной истиной было мнение, афористически высказанное Тацитом: «среди местных жителей воин испорченнее» (*inter paganos corruptior miles* – Hist. 1. 53. 3; ср. Caes. B. C. 3. 110. 2).

Надо сказать, что античным авторам не чужда мысль о зависимости дисциплины в войсках от социальных и, соответственно, моральных качеств рекрутов (см., например: Тас. Ann. 1. 31. 4; 4. 4. 2; Dio Cass. 57. 5. 4; Veget. 1.3; 7). Однако главным фактором солдатских пороков и разложения дисциплины все же считалось заискивание и потворство со стороны тех военачальников, которые либо сами отличались моральной негодностью, либо заискивали перед воинами в своих корыстных целях. Первым среди тех, кто стал закрывать глаза на роскошество и своеволие подчиненных, не без основания называют Суллу (Sall. Cat. 11. 5–6; Plut. Sulla. 12)⁵⁵. С I в. до н.э. упоминания о подобном образе действий становятся все более частыми и почти всегда⁵⁶ сопровождаются негативными оценками (например, [Caes.] B. Alex. 65. 1; App. B. C. 5. 17; Тас. Ann. 11. 2. 1). Морализаторская тенденциозность этих оценок совершенно очевидна, например, в словах Геродиана о том, что Септимий Север *первый* (!) поколебал суровый образ жизни воинов, их покорность и уважение к начальникам, готовность к трудам, научив их любить деньги и роскошь (3. 8. 5; ср. 2. 6. 14)⁵⁷.

Пути и средства заискивания были многообразны. Довольно исчерпывающая, хотя и субъективная, их характеристика дана в рассказе Тацита о наместничестве Гнея Пизона в Сирии. «Щедрыми раздачами, заискиванием, угождая самым последним из рядовых воинов, смещая в то же время старых центурионов и строгих трибунов и назначая на их места своих клиентов и негоднейших людей, терпя праздность в лагере, распушенность в городах, бродяжничество в сельской местности, он довел войско до такой степени разложения, что получил от толпы прозвище "отца легио-

⁵⁴ Ср. SHA. Alex. Sev. 53. 7: *milites Romani... amant, potant, lavant Graecorum more et ad luxuriam quidem se instituunt* («римские воины... занимаются любовью, пьянствуют, моются на греческий манер и предаются роскоши»).

⁵⁵ Ср. Dahlheim. Op. cit. S. 212–213.

⁵⁶ Пожалуй, только солдаты Цезаря могли достойно сражаться и среди благоволий (Suet. Iul. 67. 1).

⁵⁷ Никаких определенных данных об ослаблении дисциплины в правление Севера нет (Campbell. The Emperor... P. 309).

нов"» (Ann. 2.55.5; пер. А.С. Бобовича с отдельными уточнениями). К перечисленным здесь методам можно добавить и некоторые другие. Так, чтобы снискать расположение воинов, наряду с донативами могли использоваться внеочередные повышения по службе (Tac. Hist. 3. 44) и различного рода награды, далеко не всегда действительно заслуженные: например, М. Фульвий Нобилиор еще в начале II в. до н.э., стремясь добиться популярности среди солдат, награждал их за усердие, проявленное в возведении инженерных сооружений (Aul. Gell. 5. 6. 24–26; см. также [Caes.] V. Alex. 48. 3; SHA. Max. duo. 8.2)⁵⁸. Ambitio (в буквальном значении слова – «обхаживание») выражалась в показной доступности и простоте обращения с воинами, когда военачальник называл их по имени, целовался при встрече, участвовал в их развлечениях (Plut. Ant. 4; 6; Tac. Ann. 4. 2. 2; Hist. 1. 23. 1; 1. 53. 1; Suet. Vitel. 7. 3).

Однако грань, отделяющая угождение и лесть подчиненным от разумного снисхождения и подлинной заботы о них, достаточно условна⁵⁹. В зависимости от авторского отношения к тому или иному персонажу одни и те же действия могут оцениваться прямо противоположным образом. Там, где речь идет об образцовых героях римской военной истории, таких, например, как диктатор 325 г. до н.э. Папирий Курсор (Liv. 8. 36. 5 sqq.) или Сципион (Liv. 28. 32. 1), либо о тех, кто является объектом особой симпатии автора, как, например, Тит (Tac. Hist. 5. 1. 1; Ios. V. Iud. 5. 3. 4–5), Агрикола (Tac. Agr. 19) или Александр Север (SHA. Alex. Sev. 47. 1), – там снисходительность к проступкам воинов оказывается действенным средством обеспечения дисциплины, как и умение «к суровости подмешать ласку» (*severitatem miscendam comitati* – Liv. 8. 36. 5).

Итак, рассмотренные свидетельства не только с достаточной наглядностью освещают напряженную оппозицию между идеализируемой суровостью традиционных римских военных порядков и той моральной деградацией, которая порождается отступлением от них, но и определенно указывают на непосредственную зависимость и того и другого состояния войск от личных качеств и способностей принцепса и его военачальников. Превалирование в суждениях античных писателей морализаторских оценок не умаляет истинности того факта, что для полководцев конца Республики и правителей Империи первостепенная по значимости проблема заключалась в том, чтобы обеспечить оптимальный баланс между преданностью, лояльностью войск, их довольством своим положением, с одной стороны, и должной боеспособностью – с другой⁶⁰. И если последняя в большей степени зависела от следования традициям дисциплинарной суровости, то другие элементы данного баланса обеспечивались материальными выгодами, правовыми привилегиями, а также той персональной связью каждого солдата с императором, которая, по верному замечанию М.И. Ростовцева,

⁵⁸ Не случайно право награждать знаками отличия с установлением принципата полностью перешло в руки принцепса (Maxfield V.A. The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981. P. 117). По мнению Кэмпбелла, это право не могло быть сохранено за отдельными военачальниками именно потому, что они с помощью щедрых наград могли создать особые отношения с войсками, что таило угрозу императорской власти (The Emperor... P. 202).

⁵⁹ Ср. оценку Светонием (Vitel. 8. 1) и Тацитом (Hist. 1. 52. 1 sqq.) действий Вителлия в качестве легата нижнегерманской армии. Если первый в том, что Вителлий освобождал провинившихся от обвинений и наказаний, видит только попустительство, то второй отмечает, что тот действовал иногда из чувства справедливости, внимательно разобравшись в положении дел. В определенных контекстах обращение полководца к воинам как к соратникам (*commilitones*) может иметь различный смысл. В устах Цезаря это обращение звучало как ласковое наименование (*blandius nomen*), призванное возбудить в воинах готовность к перенесению опасностей (Suet. Iul. 67. 2; Polyæn. 8. 23. 22), для Августа же, после утверждения у власти, оно было недопустимой формой лести солдатам (Suet. Aug. 25. 1; Aur. Vict. Epit. 1. 16). Стоит также отметить, что в императорский период в некоторых положениях римского военного права наблюдается определенная, по выражению Г. Уотсона (Op. cit. P. 119), волна гуманизации, которая проявляется, в частности, в известной снисходительности к новобранцам как незнакомым еще с дисциплиной (D. 49. 16. 4. 15; ср. 49. 16. 3. 9 и 14. 1), в предписании Адриана принимать во внимание прежнее поведение солдата при расследовании вопроса о дезертирстве (D. 49. 16. 5; ср. 49. 6. 13–15; 49. 16. 5 pr.).

⁶⁰ Ср. Campbell. The Emperor... P. 302 f.

«была, может быть, наиболее могучим средством поддержания в войске порядка и дисциплины»⁶¹. Можно привести немало примеров такой преданности воинов, которую трудно объяснить иначе, чем неподдельной любовью к своему императору и соответственным пониманием воинского долга⁶². По свидетельству Плутарха (Ant. 43), солдаты Марка Антония не уступали древним римлянам в уважении к своему полководцу и в соединенном с любовью послушании, в привычке ставить благосклонность Антония выше собственной безопасности. Любовь и уважение к императору выступают как основа безупречной дисциплины войска в описании парфянского похода Александра Севера. По словам биографа, он совершил этот поход при такой дисциплине и уважении к себе, что казалось, будто поход совершали не воины, а сенаторы: настолько трибуны были молчаливы, центурионы скромны (*vegescundi*), солдаты любезны (*amabiles*) и любили юного императора как брата, как сына, как отца⁶³.

Фактор авторитета императора и его личных связей с солдатами был, разумеется, важным и необходимым, но отнюдь не достаточным условием должного уровня дисциплины и управляемости войск. На наш взгляд, ни действие этого фактора, ни применение традиционных средств принуждения и поощрения воинов не могло бы иметь достаточного эффекта, если бы в сознании самих солдат не было укоренено убеждение в целесообразности и значимости норм суровой дисциплины, если бы отношение к ним не было морально мотивированным, органически связанным с тем неписаным кодексом воинской чести, который в немалой степени определял поведение римских солдат, как и солдат любой другой армии⁶⁴. Именно честь подразделения, мнение товарищей по оружию и полководца были важнейшими мотивами поведения солдата в бою⁶⁵.

Сами римляне прекрасно понимали, что апелляция к чувству воинской чести может быть не менее эффективным средством обеспечения дисциплины, чем самые суровые наказания. «Чувство чести, – писал Вегеций (1. 7), несомненно, выражая распространенное мнение, – делает воина более подходящим, чувство долга, мешая ему бежать, делает его победителем» (пер. С.П. Кондратьева). В речи Антония Прима в «Истории» Тацита (3. 2. 3) подчеркивается, что чувство стыда, испытываемое воинами, способствует укреплению дисциплины и духа войска. Стремление загладить позор поражения заставляло солдат Цезаря налагать на самих себя в качестве наказания самые тяжелые работы (*Caes. B. C. 3. 74. 2*). По замечанию Саллюстия (*B. Jug. 100. 5*), Марий поддерживал в войске дисциплину, используя не столько наказания, сколько чувство чести воинов (*rudore magis quam malo coerebat*). Стыд заставил отрезвиться солдат Помпея, грозивших расхитить деньги, которые несли в триумфальном шествии (81 г. до н.э.), после того как Помпей, выбравив солдат в суровой речи, бросил им обвитые лавром фасции, чтобы они с них начинали грабеж (*Front. Strat. 4. 5. 1*; ср. *Plut. Pomp. 14*). Солдаты-вителлианцы из войска Фабия Валента из желаний восстановить после поражения свою честь (*recuperendi decoris cupidine*) стали вести себя уважительнее и сдержаннее по отношению к командующему и подчиняться

⁶¹ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Общий очерк. Пр., 1918. С. 138 сл.

⁶² См., например: *Caes. B. G. 7. 19. 4*; *B. C. 3. 91*; *B. Afr. 45*; *Suet. Iul. 68*; *Plut. Caes. 16*; *Cat. Min. 12*; *Lucan. Phars. 1. 374 sqq.*; *Vell. Pat. 2. 70. 3*; *104. 4*; *Tac. Ann. 2. 13*; *Hist. 2. 14*; *49*; *Ios. B. Iud. 6. 1. 6*; *Plut. Otho, 15*; *17*; *Dio Cass. 64. 14. 1*.

⁶³ SHA. Alex. Sev. 50. 1 sqq. Здесь же указываются и более «прозаические» мотивы такой любви: солдаты были достойно одеты, красиво обуты, отлично вооружены и обеспечены конями. Ср. *ibid.* 52. 3, где Александру приписывается следующее изречение: «воин не внушает опасения, если он одет, вооружен, обут, сыт и имеет кое-что в поясе». Ср. также *Veget. 2. 12*.

⁶⁴ Например, спартанской. Ср. характеристику спартанцев в речи царя Архидама у Фукидида (1. 84. 3): «Привычка к строгой дисциплине (τὸ εἴκοσμον) делает нас храбрыми воинами и мудрыми в совете. Храбрыми – потому, что чувство чести (αἰδώς) у нас теснее всего связано с дисциплиной (σωφροσύνη), а с чувством чести сочетается мужество» (пер. Г.А. Стратановского).

⁶⁵ MacMullen R. The Legion as a Society // *Historia*. 1984. 33. P. 447 ff. См. также Махлаюк А.В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 30–31.

его приказам (Tac. Hist. 2. 27. 1). По высокому счету, для настоящего римского солдата добровольная смерть была предпочтительнее бесчестия, связанного с невыполнением приказа (Front. Strat. 4. 1. 13; 40; Tac. Ann. 14. 37. 3).

Стремление военачальников воздействовать на чувство чести солдат с целью упрочения дисциплины лежит, очевидно, в основе широко распространенной практики позорящих взысканий, применявшихся в римской армии вместе (или же вместо) жестоких наказаний. Так, воины из подразделений, подвергшихся децимации, получали вместо пшеницы ячмень (или овес), их палатки ставились вне лагерного вала (Polyb. 6. 38. 3; Front. Strat. 4. 1. 36; Plut. Ant. 39; App. Illyr. 26; Plyn. 8. 24. 2). Эти же меры могли применяться и отдельно, без сочетания с казнями (Front. Strat. 4. 1. 18; 19; 21; 25; Tac. Ann. 13. 36. 3). Проявивших трусость или неповиновение воинов и командиров специально выставляли в унижительном положении, приказывая, например, обедать стоя, стоять босиком, без пояса или полуодетыми у принцепса, иногда с саженью или куском дерна в руках, либо копать канавы, носить кирпичи, рубить солому (Liv. 24. 16. 12; 27. 13. 9; Front. Strat. 4. 1. 26–28; 42; Plut. Marcel. 25; Lucul. 15; Suet. Aug. 24. 2; Plyn. 8. 24. 3). К числу такого рода мер воздействия следует отнести также порочащую отставку (*missio ignominiosa*), назначавшуюся за некоторые воинские преступления (D. 49. 16. 3. 1; 4. 6; 6. 7). Такая отставка влекла за собой, помимо прочего, невозможность находиться в Риме и в окружении императора (*in sacro comitatu*) (D. 49. 16. 13. 3). Полностью же отслужившие срок воины увольнялись в почетную отставку (*missio honesta*). Кроме того, в воинах, отличившихся доблестью, чувство чести поощрялось торжественностью публичной церемонии, во время которой полководец произносил в их честь похвальное слово, награждал их знаками отличия и ценностями из добычи, производил повышения в чине (Polyb. 6. 39. 1–3; [Caes.] V. Afr. 86; Liv. 39. 31. 17–18; Ios. V. Iud. 7. 1. 3).

Разумеется, выяснить «удельный вес» того или иного из упомянутых факторов в процессе поддержания дисциплины, тем более на протяжении длительного периода, не представляется возможным: слишком многое здесь зависело от конкретной ситуации и характера действующих лиц. В лучшем случае мы можем установить определенную тенденцию, обратив внимание на некоторые факты, показывающие, что даже в критические моменты дисциплина легионов не в последнюю очередь обуславливалась жизненной реальностью того чувства, которое Тацит в одном месте назвал «любовью к послушанию» (*amor obsequii* – Ann. 1. 28. 6).

Такого рода факты можно найти в сочинениях самого Тацита, чьи свидетельства тем более ценны, что его, как и других авторов императорского времени, едва ли возможно заподозрить в симпатиях к солдатской массе⁶⁶. Последнюю историк по преимуществу отождествляет с толпой, чернью (*vulgus*), приписывая солдатам ее коренные пороки: безрассудство, неустойчивость, необузданность в веселии и ярости, податливость на воздействие демагогов, жадность и жестокость (Ann. 1. 16; 44; 55; Hist. 1. 61; 67; 69; 2. 13; 29; 56; 4. 37). Все эти характеристики в устах Тацита вполне закономерны и в силу его идеологических позиций, и потому, что относятся они главным образом к солдатам времен гражданских войн или мятежей. Вместе с тем Тацит отличает стремление дать достаточно объемную и психологически достоверную картину поведения римских воинов, и он не только отмечает образцы верности долгу и героизма отдельных солдат и офицеров, но часто подчеркнuto противопоставляет солдатской черни, «отбросам лагеря» (*peissimus quisque, ignavissimus quisque, deterrimus quisque*) лучшую, хотя обычно меньшую, часть воинов (*optimus quisque manipularium, melior pars, meliores* – Ann. 1. 16. 2; 21. 1; Hist. 1. 52. 3; 80. 2; 83. 1; 2. 66. 3; 4. 62. 1)⁶⁷. Иногда Тацит конкретизирует понятие «лучших», указывая, что порядку и долгу в первую очередь были преданы центурионы, орлоносцы, знаменосцы и другие, являвшиеся «наиболее здоровым элементом в лагере» (*quod maxime*

⁶⁶ См. Kajanto I. Tacitus' attitude to War and the Soldier // Latomus. 1970. 29. P. 699–718, особенно p. 706 ff.; Edelstein F., Winkler I. Pozitia lui Tacitus față de armată, popor și provincii // Studii Classice. 1962. IV. P. 248–254.

⁶⁷ Kajanto. Op. cit. P. 708.

castrorum sincerum erat – Ann. 1. 48. 2). Именно «лучшие», а под их влиянием в некоторых случаях и большинство воинов могли потребовать покончить с распушенностью и наказать виновных в мятеже или даже собственными силами справиться с мятежными элементами (Ann. 1. 30. 1; 44. 1 sqq.; 48. 3; Hist. 1. 82. 3; 83. 1; 22. 66. 3). Возможно, поэтому римский воин не был в глазах Тацита таким безнадежно низким и подлым, как городской плебей, и мог испытывать чувство стыда, раскаяния и жалости, как, например, в эпизоде с Агриппиной и ее детьми во время мятежа германских легионов (Ann. 1. 41. 44)⁶⁸.

В числе эпизодов, показывающих, насколько сильна, несмотря ни на что, была в римских войсках привычка к дисциплине, следует упомянуть рассказ Тацита о реакции солдат-вителлианцев на хитрость префекта лагеря Алфена Вара (Hist. 2. 29). Этот командир, заметив, что вспыхнувший мятеж пошел на убыль, запретил центурионам обходить посты, а трубачам велел не сзывать войско на учения и на работу. Солдаты, видя, что ими никто не командует, испугались и стали молить о прощении, а затем, когда появился сам командующий Фабий Валент, вынужденный накануне прятаться, они встретили его с ликованием. И хотя Тацит здесь указывает на переменчивость настроений толпы, обращает на себя внимание то, что даже во время волнений легионеры продолжали нести обычные обязанности в лагере и ждали приказаний⁶⁹. Сильным желанием настоящей власти (*aviditate imperitandi*⁷⁰) объясняет Тацит положительное отношение солдат нижнегерманских легионов к Вителлию после того, как тот стал их легатом и предпринял ряд дисциплинарных мер, разумных и оправданных на фоне порочной практики его предшественника. Эта оговорка звучит весьма примечательно, хотя Тацит и подчеркивает, что воины принимали за достоинство Вителлия сами его пороки (Hist. 1. 52. 2).

Таким образом, за предвзятостью Тацитовских оценок солдатской массы в целом вполне явственно обнаруживается такой компонент дисциплины, который не сводим ни к страху наказаний, ни к строгости военачальника, ни, напротив, к его снисходительности, ни к упованиям на награды, но который может быть обозначен как некая константа, архетип римского воинского этоса, живший в сознании солдат императорской армии. Рассмотренная нами оппозиция между заискиванием и суровостью со всеми их последствиями не есть, по всей видимости, достояние только литературной традиции. Сама напряженность данной оппозиции определенно указывает на непреходящую аксиологическую значимость понятия дисциплины и для общественного сознания, и для практиков военного дела. Эти представления о дисциплине, базирующиеся на исконной римской аксиологии, передавались из поколения в поколение через военные традиции и обычаи, правовые и религиозно-культурные установления, через легендарные образцы и живые примеры. *Disciplina militaris*, с военно-этической точки зрения, оставалась важнейшей воинской доблестью, неотделимой от понятий солдатского долга, чести и славы. Вместе с тем, в условиях профессиональной армии дисциплина определялась не только и не столько традиционной суровостью, сколько продуманной организацией, систематическим обучением личного состава, строгой командной иерархией, корпоративной сплоченностью солдат, различными льготами и поощрениями, перспективами карьеры и социального возвышения, а также автори-

⁶⁸ Правы, на наш взгляд, те исследователи, которые в трактовке Тацитом этого и подобных эпизодов видят не только плод драматизирующей манеры историка, но и отражение его общих взглядов на психологию простого солдата. См. *Kajanto*. Op. cit. P. 712; 716 ff.; *Walser G.* Rom, das Reich und die fremden Völker in der Geschichtsschreibung der frühen Kaiserzeit. Basel, 1951. S. 55. Anm. 6.

⁶⁹ Ср. рассказ Ливия о мятеже в войске Сципиона в римском лагере под Сувроном во время II Пунической войны (28. 24. 5 sqq.): в начале мятежа воины продолжали ходить в караулы и даже не препятствовали трибунам творить суд на лагерном форуме (правда, Ливий подчеркивает, что делали они это из расчета, что командиры примут их сторону в мятеже).

⁷⁰ Такое чтение вслед за Фишером принимает К. Мур в Лебовском издании 1980 г. Г.С. Кнабе (*Корнелий Тацит*. Соч. В 2-х томах. М., 1993. Т. 2. С. 259. Прим. 144) читает *imperandi*, как в некоторых рукописях, что в общем не меняет принятого нами смысла.

тетом императора. Все эти факторы, конечно, не гарантировали нерушимой дисциплины, а иногда некоторые из них действовали прямо в противоположном духе. Нельзя недооценивать и качественный состав контингентов, пополнявших легионы⁷¹. Однако все это в целом позволяло римской армии постоянно поддерживать достаточно высокий уровень дисциплины, по крайней мере в первые два века Империи⁷², пока солдаты продолжали чувствовать себя римлянами, воспитываться в соответствии с римскими традициями и ценностями. Очевидно, лишь с существенным изменением характера и состава римской армии в середине и второй половине III и в IV в. можно говорить об ином качестве дисциплины⁷³.

«BETWEEN INGRATIATION AND SEVERITY».
ON SOME ASPECTS OF ROMAN MILITARY DISCIPLINE

A.V. Makhlayuk

The article considers military discipline from the perspective of the perception existing in the literary tradition in the form of stable topos and rhetorical clichés and characterising discipline as an important category of the Roman value system, as a component of the «Roman myth».

Axiological meaning of this concept is revealed through a tense opposition between the heroic norm expressed by the notion severity (*severitas*) and the various vices which result from ingratiating to and indulgence of soldiers by their commanders (*ambitio, indulgentia*).

In narrations about the glorious past of Rome *severitas* and *ambitio* belong to different poles, but in the period of the Late Republic and the Principate sources more and more persistently stress the necessity to find some common ground, a balance between the two poles. Such judgements indicate that under the conditions of a regular professional army discipline could be maintained by ways and means different from those used in the period of a citizen *militia*.

In the imperial army discipline was conditioned not by ruthless punishments or civil solidarity of soldiers, but by organizational – legal means, systematic training of the personnel, various benefits and incentives, corporate unity of contingents as well as by personal ties of an emperor with the army. However, effectiveness of those factors depended to a considerable extent on a morally motivated attitude of soldiers themselves to discipline. A number of episodes show that even at critical moments discipline of the legions was conditioned by value conceptions of discipline deeply rooted in the consciousness of the soldiers and connected with the notions of military duty and honour. This «love for obedience» was based on traditional Roman values and passed over from generation to generation through military traditions, legal and sacral norms, legendary and live examples. At the same time conservatism of the Roman military organization, objective conditions and demands of military activity made orientation toward *severitas* an inevitable factor of the army's life regardless of the destructive character of opposite tendencies.

The image of a strict military leader was the behavior pattern emulated by many emperors and glorified by public opinion.

⁷¹ Отбор качественного пополнения как сознательная установка в политике рекрутирования начиная с Августа специально подчеркивается современными исследователями: *Le Bohec*. Op. cit. *Passim*; *idem*. La IIIème légion Auguste. P. 1989; *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 78–93.

⁷² *Watson*. Op. cit. P. 118; *Campbell*. The Emperor... P. 309.

⁷³ *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus zum Beginn der byzantinische Themenverfassung. B., 1920. S. 63 ff.; *Kromayer J., Veith G.* Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer (Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 4. Teil 2. Bd. 2). München, 1928. S. 172 ff.